

СЕРГЕЙ АРИСТОВ

ХОТЕЛ КАК ЛУЧШЕ!

Сергей Аристов
Хотел как лучше!

«Литературная Республика»
2016

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Аристов С.

Хотел как лучше! / С. Аристов — «Литературная
Республика», 2016

ISBN 978-5-7949-0531-1

Меня часто спрашивают: а почему вы в своих рассказах иронично и с юмором повествуете о том, что было в вашей жизни. Если посмотреть несколько под другим углом, то многое из того, о чем вы пишете для большинства было бы трагедией, а у вас смешно.— А вы думаете, что я знаю ответ? Скорее всего дело все в ней.— В ком?Нет — не скажу, читайте.Автор

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-7949-0531-1

© Аристов С., 2016
© Литературная Республика, 2016

Содержание

Неподготовленное сочинение	6
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Сергей Аристов

Хотел как лучше

Неподготовленное сочинение

Если бы я решил рассказать что-нибудь на нынешнем повседневном языке, то рассказ начинался бы так: «Слушайте, значит, типа, блин, меня тут зачумило толкнуть, значит, случай».

«Феня», как вы понимаете, отдыхает.

Пройдет еще совсем немного времени, и эта самая «феня» станет лучшим образцом русской литературной речи.

Я прошу прощения, но попытаюсь изложить своё повествование в привычном для меня, но уже недоступном для многих, стиле. То есть к междометиям «ай», «ах», «ба», «ого», «ох» и междометным глаголам «бах», «прыг», «хвать» я прибегать, конечно, буду, а вот слов, которые в мое «страшное советское время» относились к словам-паразитам, я постараюсь не употреблять.

А все как раз с литературы и началось.

С сочинения.

Да, с самого обыкновенного школьного сочинения по драме Александра Николаевича Островского «Гроза». Да будет земля ему пухом (Александру Николаевичу).

Предварительно мне хотелось бы сделать важное уточнение, а именно: это самое сочинение мы писали двадцать третьего декабря одна тысяча девятьсот шестьдесят шестого года.

Почему такая точность?

Разъясняю: двадцать второго декабря моей однокласснице Татьяне исполнилось шестнадцать лет, а на следующий день нам и было назначено это сочинение. Причем, если кто помнит, на домашнюю подготовку к сочинению давалось некоторое время, и вот как раз двадцать второго декабря я хотел провести так называемую подготовку. И если бы не этот день рождения, сладкая бражка, которой почивал нас Танин отец, пять баллов мне было бы обеспечено, ну четыре – это уж точно.

Докладываю (простите за эту военную терминологию, куда же мне от нее деться): учился я из рук вон плохо, но при этом недоразвитым меня считали не многие, хотя такие, разумеется, были тоже.

Единственный предмет, где мне удавалось в полной мере соответствовать высокому званию советского школьника – это литература. А теперь прошу набрать побольше воздуха и задержать дыхание. Ни одной книги, по которой мы должны были писать очередное сочинение, я не читал.

До пятого класса я считался одним из лучших учеников школы. Мама, как и многие другие родители, всегда получала благодарности за мою успеваемость. И самым любимым предметом была арифметика. Я тогда не мог сформулировать почему, и только много позже я это понял. А все дело было в конкретике и логике. Один плюс один равняется двум – и все, точка. Ни направо, ни налево, а только так.

Да и в пятом классе, на первых порах, мне очень нравился этот предмет, тем более что классным нашим руководителем стал как раз математик.

И вот тут начались метаморфозы.

Как бы хорошо я ни решал домашние задания или классные работы по математике, максимум, что я мог получить, так это тройку. А обычно два балла. А вечером, удобно расположившись в кресле в нашей небольшой комнате, классный руководитель растолковывал маме и мне, каким образом можно поднять мою успеваемость. Но когда я со слезами приводил доказательства, что мой ответ в работе был правильный, я получал спокойный и, казалось бы, такой искренний ответ: «А каким почерком все это было написано? Я даже не смог

разобрать. Вот давай завтра я тебя вызову к доске и ты все мне там напишешь, и вот тогда, возможно, я твою двойку исправлю».

И действительно, на следующий день он меня вызывал, я решал то, что было необходимо, и получал четверку. Но двойка и четверка давали только тройку, ну а зато через несколько дней наш классный руководитель появлялся или в новом, дефицитном по тому времени, костюме, или в каком-то еще новом предмете мужского туалета.

Дело в том, что мой отчим был служащим не какого-то там театра, и уж тем более не квалифицированным инженером (не к ночи будет сказано), а занимал должность заведующего одного из магазинов системы «Мосодежда».

И этот, простите, математик все так точно рассчитал, что отбил у меня охоту учить не только математику, но и все другие предметы.

Одним словом, после пятого класса моя успеваемость зависела исключительно от наличия дефицитных товаров мужского туалета в гардеробе моего классного руководителя.

Но к моей, и не только, радости в первой четверти восьмого класса он резко, как и положено такому математику, дал дуба.

В гробу он лежал в новом, или почти, дефицитном костюмчике.

Но время было безнадежно упущено, и повышать свою успеваемость, денно и ночно сидя за учебниками, желания у меня не было. Тем более что я уже занимался спортом и смог добиться некоторых успехов в плавании, получив первый разряд. Да и вообще занятия спортом и сейчас занимают в моей жизни значительное место.

С головой, как все вы потом поймете, проблемы были у меня всегда, а вот конечности, как это ни удивительно, после всех мягко сказать приключений, восстанавливались практически моментально.

Вот только один пример.

После очередного ранения, в конце восьмидесятых прошлого века, военные хирурги что-то не так сшили, что-то не так собрали; одним словом жить мне оставалось, по мнению этих самых военных медиков, дня два. Каково же было удивление одного из них, когда дня через три он обнаружил меня гуляющим в парке госпиталя.

Ну откуда ему было знать о моих проблемах с головой?!

По этому, будучи на седьмом десятке, регулярно кручу педали велосипеда, а также катаюсь на горных лыжах, ну это с детства, большой теннис, и так, по мелочи: коньки, пешие прогулки.

Хотя надо признать, что мой организм все чаще протестует против такого активного образа жизни всякими радикулитами и прочими, так сказать, бойкотами ручных и ножных суставов.

Тем не менее голова команды «Остановись!» не дает. Там, в голове, видимо, отсутствуют мозговые клетки, откуда должно поступить это распоряжение.

Но вернемся к злополучному сочинению.

Повторюсь, единственными предметами, по которым я успевал на твердую четверку, были русский язык и литература. Правда, после каждого очередного сочинения на голове нашего директора школы, историка Арона Абрамовича Кацнельсона появлялись очередные седые волосы.

И вот почему.

Какая бы ни была тема сочинения, в моих работах о содержании данных произведений или об образе их героев не было сказано, как правило, ни слова, но политическая оценка этого «исторического» произведения была раскрыта на самом высоком уровне, а в качестве подтверждения приводились цитаты тов. Ленина, ну, разумеется, и других классиков марксизма-ленинизма.

Так что любая оценка ниже четверки могла приравнять учительницу литературы к элементу, несогласному с генеральной линией партии, а это, простите, уже пахло серьезной статьей УК РСФСР.

Да, собственно говоря, и придаться-то было невозможно.

Вот вам пример.

Задали нам как-то сочинение по «Войне и миру» Льва Николаевича, да будет земля ему тоже пухом. Прочитать такую огромную книгу, да со всеми охами, вздохами и прочими искажениями главных героев я не смог бы даже под угрозой остаться на пять лет в одном классе. Но парень я был смекалистый (это ни в коем случае не говорит о моем уме, а только об инстинкте), отчим читал запоями, так что библиотека у нас была отличная. И вот в этой самой библиотеке была «книжонка»: «Советский Энциклопедический Словарь», и в этом словаре давалась сжатая информация по всем необходимым произведениям из школьной программы.

Вот в этом самом словаре я нашел: Толстой Лев Ник. (1828–1910), а о «Войне и мире» было написано следующее: «В грандиозной эпосе „Война и мир“ (1863–1869) показан патристический порыв русского народа, обусловивший победу России в Отечественной войне».

О «Войне и мире» все, но там было еще продолжение: «Его (Льва Николаевича) творчество, оказавшее огромное влияние на мировую литературу, отразило противоречия целой эпохи русского общества и было названо В. И. Лениным „зеркалом русской революции“».

Ну, как!?

Весь этот текст, со всеми знаками препинания, так и вошел в моё сочинение. Ну кто мог попытаться поставить мне ниже пяти баллов, а?

А я там еще указывал годы жизни автора и время написания этого литературного шедевра.

Никто не мог и подумать о том, что я, троечник, мог прибегать к помощи такого научного опуса.

Хочу напомнить и то, что Советский Энциклопедический Словарь мог водиться далеко не в каждом доме.

Ура дефициту!

Учительница литературы, зная меня достаточно хорошо еще и по школьным диспутам о любви и дружбе, берегла себя и ставила «пять» или «четыре», так как изложенное в сочинении полностью соответствовало советской коммунистической идеологии.

А вот Арон Абрамович с глубочайшей тревогой ждал каждой моей новой письменной работы по очередному литературному произведению, хотя преподавал только историю.

И вот, собственно говоря, почему.

Так глубоко, ярко и к месту ссылаться на мысли тов. Ульянова-Ленина не могли даже отличники исторического факультета любого вуза страны. И, разумеется, он совершенно оправдано переживал: а вдруг я что-то не то напишу, не так ярко, как в предыдущей работе, изложу мысли вождя всех времен и народов.

Ну что для него несколько новых седых волос в сравнении с тем, что могло последовать для директора школы, да еще и историка, за неточное, а возможно, еще и искаженное изложение учеником позиций основоположника самого себя, т. е. ленинизма?

Арон Абрамович Кацнельсон был мягким и добрым мужиком. Единственное, где он создавал нам проблемы, так это на переменах в школьных туалетах, где мы мусолили очередные окурки. Его внезапное появление не то чтобы сильно нас пугало, но вносило какой-то дискомфорт в наше повальное увлечение табачными изделиями исключительно отечественной промышленности. А вот если попадался иностранный «бычок», многие из нас как-то сразу забывали о высоком звании советского школьника и могли кланяться и унижаться до

такой степени, что предлагали за этот жалкий иностранный чинарик самое дорогое, что у нас было, – прошедшую ртов через шесть всё ту же иностранную жвачку.

Так вот, вернусь к «Грозе», которая надвигалась на мой уже достаточно отравленный табачным смолами организм.

Поиски подарка и прихорашивание не позволили мне заглянуть в «Советский Энциклопедический Словарь» и выучить текст, относящийся к этому бессмертному произведению.

А там было сказано следующее: «Особое место в творчестве Островского принадлежит драме „Гроза“ (1859), трагическая коллизия которой воспринималась Н. А. Добролюбовым как символ социального протеста – „луч свете в темном царстве“».

Такого короткого определения мне явно было бы мало, и я конечно добавил бы все из того же словаря: «Добролюбов Николай Александрович (1836–1861), русский литературный критик, публицист, революционный демократ. Выступал против монархии, крепостного права, дворянско-буржуазного либерализма, пропагандировал идеи крестьянской революции, предсказывая появление нового героя – деятеля и борца – в русской жизни и литературе». Мне осталось бы только еще добавить уже от себя: «Этим героем и борцом являлась Катерина».

Но если бы да кабы?

А что написал я?!

– Катерина не выдержала тех испытаний, которые были посланы ей мещанской средой, и променяла классовую борьбу на трусливое бегство из жизни. И на таких примерах нельзя учить нашу советскую молодежь делу строительства коммунистического общества.

Есть, как вам кажется, небольшая разница в оценке данного произведения товарищем Н. А. Добролюбовым и моими выводами, да?

Тем более я не мог и предположить, что вступил в полемику с самим Н. А. Добролюбовым.

Прошло несколько дней, и вдруг меня вызывают к директору школы Арону Абрамовичу Кацнельсону.

В кабинете кроме Арона Абрамовича была еще учительница литературы и какой-то незнакомый мужчина.

– Ты что написал? – обращаясь ко мне, строго спросил Арон Абрамович.

– Где? – как бы непонимающе осведомился я.

– Вот тут, – тряся тетрадкой, уточнил директор.

– А что? Что там не так?

– Да ты знаешь, что за это сочинение я должен исключить тебя из комсомола, да и из школы тоже?

– Я и так не комсомолец, а из школы-то за что?

– Да все за это, – продолжая трясти тетрадкой, шумел Арон Абрамович. – Как ты мог такое написать? Кто тебя этому научил?

– Никто меня ничему не учил, кроме Вас, конечно.

Лицо директора как-то неожиданно изменилось и стало существовать отдельно от всего остального организма.

– Что? Что ты сказал? Разве я тебя научил тому, что ты написал?

– Нет. Это я написал сам. Но вы же всегда требуете от нас правдивого изложения своей точки зрения?

Лицо Арона Абрамовича вернулось на прежнее место.

– Правдивого да, а ты что написал? Запомни раз и навсегда, что в образе своей героини Островский нарисовал новый, повторяю новый – тип самобытной, цельной, самоотверженной русской девушки.

– Молодой женщины, – поправила директора учительница литературы.

– Конечно, женщины, – не останавливаясь продолжал директор, – которая бросила вызов царству ханжества и лжи.

– Молодая девушка, молодая женщина, – я как-то слегка запутался от этого замечания учительницы.

В моем тогда понимании девушки – это одноклассницы; женщины – это те, кто окончил институт или уже работает, ну а все остальные – тетеньки.

Катерина, как мне представлялось, ни студенткой, ни рабочей не была.

Как раз в этот момент мой молодой и еще пытливый ум ухватил какую-то более значимую нестыковку в этих понятиях.

Ну, какую?!

И я как еще неоперившейся, но увлекающийся всем новым человек тут же задал им вопрос: «А какая разница между девушкой и женщиной?»

Учительница литературы, которая, разумеется, соответствовала понятию «тетенька», что-то пробубнила, как-то неожиданно смутилась и стала показывать глазами на директора: спроси, мол, у него.

Не дожидаясь моего возможного вопроса, директор тут же отрезал: «Подрастешь – узнаешь. Все, замолчи и слушай».

– Не случайно, – продолжил он, – так точно и справедливо Николай Александрович Добролюбов назвал Катерину «светлым лучом в темном царстве»!

Имя и отчество Добролюбова директор произносил как-то особенно торжественно, показывая, видимо, незнакомому мне мужчине полное и безусловное согласие с его (Добролюбова) оценкой.

– А ты что написал? – спросил он.

Но этот вопрос меня уже не интересовал, а вот постижение того, в чем разница между девушкой и женщиной, захватило в тот момент все сравнительно небольшое пространство в моей голове, где помещался мозг.

Вывели меня из этого состояния слова директора-историка, достаточно умаявшегося, как мне показалось, от нашего литературного диспута: «Даже в личной библиотеке товарища Ленина, находящейся в Кремле, есть и эта книга Островского», – сообщил замотанный, но воодушевленный «бессмертным» произведением классика историк.

Как скоро дело дошло до т. Ленина, пора было переходить в наступление и мне. Правда, единственные, кого я мог припомнить из достойных примеров, так это только Павлик Морозов и Александр Матросов.

Про Пашу Морозова я и сейчас толком мало что знаю. То ли он кого-то заложил, то ли его заложили, а вот про Александра Матросова я видел фильм, и этого мне было достаточно, чтобы отстоять свои передовые коммунистические взгляды.

– Арон Абрамович, – обратился я к директору, – вы можете себе представить, чтобы Александр Матросов вместо того, чтобы кинуться на амбразуру дзота, стал хныкать, пошел бы и утопился в Волге?

– Причем здесь Матросов?

– А при том. Он жизнью пожертвовал ради победы над фашистами, а что сделала Катерина?

К нашему с Арон Абрамовичем счастью, как мне показалось, неожиданно в дискуссию вступил незнакомый мне мужчина.

– Скажи, Сережа, а ты действительно считаешь так, как написал в сочинении?

Времени на обдумывание не было.

– Да, я так считаю.

– А знаешь, в чем-то ты прав.

Я взглянул на учительницу литературы и Арона Абрамовича.

Учительница еще была так себе, а вот директора узнать было снова трудно. Его лицо, но уже с пиджаком, снова отделились от туловища.

– Разрешите мне остаться с Сергеем на несколько минут наедине, – попросил незнакомец.

– Конечно, – согласилось лицо Арона Абрамовича, пытаясь соединиться с телом. Выход отдельными частями, без лица и пиджака, представлялся директору обременительным действием.

– А ты знаешь, мы с тобой тезки. Меня зовут Сергей Иванович. Я как раз в настоящее время занимаюсь творчеством Островского. Ну, расскажи мне о себе.

– Вы о чем, о сочинении?

– Нет, так, вообще, чем тебе нравится заниматься?

– Вообще спортом занимаюсь. Плаваю в «Динамо».

– Смотри-ка, и я там плаваю! Ты у кого тренируешься?

– У Олега Васильевича.

– Знаю. Отличный тренер. Ну а еще чем?

– Да так. Лыжи.

– Ну и на какие дистанции ты бегаешь?

– Нет, я не бегаю, я только с гор.

– А где же ты катаешься?

– В Царицыно, на лысой горе.

– А какие у тебя горные лыжи?

– У меня горных лыж нет. Я из дедушкиных, охотничьих, переделал. Подпилил, сделал жесткие крепления, на них и катаюсь.

– Молодец. А почему же ты не комсомолец? Ты, по-моему, один остался из старших классов, кто еще не комсомолец. Ну и что ты по этому поводу думаешь?

А что мне было думать, когда я пытался улизнуть от этого вступления, как только мог.

Нет, никаких идейных или тем более политических несогласий я не ощущал, но платить комсомольские взносы, брать на себя какие-то обязательства, а тем более оставаться после уроков – извините.

Но в этот момент я понял, что на этот раз мне уже точно не отвертеться.

Погибать – так с музыкой, решил я и на всякий случай выдвинул последний, самый, как мне представлялось, убедительный и политически обоснованный аргумент.

Опыт работы с Советским Энциклопедическим Словарем и угрозами Арона Абрамовича исключить из школы мобилизовали меня к раскрытию всего моего идейно-патриотического потенциала.

– С такой успеваемостью как у меня стыдно. Комсомольцы – это же передовой отряд советской молодежи. Ну а какой я передовой?

Лицо Сергея Ивановича тоже как-то стало меняться, но не совсем так, как у директора, то есть оставалось с тесным контакте со всем организмом и одеждой. Он что-то, про себя, промычал и спросил: «Ты действительно так считаешь?»

Мне показалось, что у меня появился шанс отбиться.

– Да, а как же еще?!

– Скажи-ка! – удивился, как мне показалось, Сергей Иванович. – Ну хорошо – иди. Мы с тобой еще встретимся. Да, а с комсомолом все-таки поторопись.

– Простите, где?

– Что где?

– Где мы с вами встретимся?

– В бассейне, в «Динамо».

После уроков учительница литературы попросила меня остаться.

– Сергей я попрошу тебя переписать сочинение. Мне кажется, ты не до конца понял образ Катерины. Хочешь, мы с тобой сейчас еще раз вместе его разберем?

– Нет-нет, я лучше перепишу – дома.

– Вот и молодец, я так директору и доложу, а это сочинение мы разорвем.

– Как хотите, хотя, конечно, будет жалко. Но если только ради Арона Абрамовича...

На следующий день я принес сочинение, содержание которого я изложил выше.

Редкие для меня пять баллов снова украшали засаленный школьный дневник.

С комсомолом тоже все решилось сравнительно быстро.

На прием меня в эту организацию собралось все комсомольское начальство школы. Задавать мне какие-то вопросы, связанные с политической ситуацией в стране или ролью молодежи в деле строительства коммунистического общества, никто из них не решался. Мало ли, что я отвечу. А диспут со мной, я уверен, ни в чьи планы не входил.

Ну, мне и задали вопрос, ответ на который, как были уверены все, предполагал только «нет».

– Скажи, а Бог есть или нет?

Этот свой ответ я помню и сейчас: «Есть Бог или нет, я не знаю и на всякий случай промолчу».

В атеистическую комсомольскую организацию я был принят тут же и единогласно.

Знаете, мне это вступление, а точнее поиски способов уклонения от всех комсомольских поручений, а тем более от уплаты членских взносов, как ни покажется поразительным, здорово помогло и в моей будущей работе.

Поймать меня для уплаты комсомольских двухкопеечных взносов не смог бы и специально подготовленный сотрудник КГБ СССР, а уж простому комсомольскому вожаку это было и вовсе не под силу.

Я проявлял редкие для моего возраста способности не только физического уклонения, но и аргументированного словесного отказа. Я не опускался до банального «нет денег» и прочего.

А вот довод «как можно все мерить деньгами?», произносимый мной с определенным пафосом, в зависимости от места и окружения, как правило, производил феноменальное действие, в результате чего сборщик сам вносил за меня эти две копейки, но с просьбой их ему вернуть, когда-нибудь.

Учитывая, что политическая ситуация в мире менялась быстро, особенно в Африке, при очередной попытке выманить у меня взносы я сообщал: «Комсомольские взносы я снова отправил на помощь нуждающемуся, но гордому и вольнолюбивому населению африканского континента». Как и через кого я смог послать такую внушительную материальную помощь, никого и никогда почему-то не интересовало.

И эта моя способность аргументировать свои выходки тоже, как я узнал несколько позже, была замечена и оценена все тем же Сергеем Ивановичем, с которым мы вскоре и встретились в «Динамо», точнее сказать, он меня встретил у раздевалки после тренировки, когда я дожевывал последний бутерброд.

– Здравствуй, Сергей.

– Здравствуйте, – проглатывая последний кусок, поздоровался я.

– Послушай, а хочешь научиться стрелять? – ни с того ни с сего предложил он.

А я как раз в это время стал уже подумывать, как завязать с тренировками. Мотаться из Курьянова в «Динамо» и обратно становилось для меня уж слишком обременительным занятием. Первый разряд у меня уже был, а совершенствовать свою плавательную технику, добываясь более высоких результатов, в мои планы как-то не входило. Тем более детальное осмысление физиологических изменений в женском организме предполагало некоторые

уже ставшие необходимыми практические действия. На этом этапе, правда, все сводилось к подъездным поцелуям с очередной, но на всю жизнь единственной, школьной подругой.

Одним словом времени на, простите, личную жизнь катастрофически стало не хватать.

– Можно попробовать, а когда и где?

– У тебя сейчас время есть?

– Есть.

– Поедем.

Приехали мы на «Площадь Ногина», где в одном из ближайших дворов располагался в подвальном помещении тир. Но не такой, к какому я привык, а настоящий, большой, со всяким незнакомым мне тогда еще ручным стрелковым оружием.

– Ну чего, постреляем?

– Давайте, но я из такого не умею.

– Не волнуйся, спокойно, сейчас тебе все расскажут и покажут.

Действительно, месяца два мне рассказывали и показывали, как обращаться с этим оружием.

С плаванием я, несмотря на уговоры тренера Олега Васильевича, завязал, тем более что у меня появился совершенно убийственный аргумент: «Я бы рад остаться, но новый вид спорта не позволяет мне результативно заниматься плаванием».

Убедил, но как потом мне стало известно, не без помощи все того же Сергея Ивановича, большого, как мне еще представлялось, знатока и исследователя творчества Александра Николаевича Островского.

Но жизнь продолжалась.

И совсем скоро все преподаватели школы № 493, которые пребывали в состоянии вынужденного вдалбливания в меня всех необходимых для счастливого советского бытия знаний, а тем более Арон Абрамович, были вознаграждены.

Мы получили новую двухкомнатную квартиру в крайне отдаленном от Курьянова районе, рядом со станцией метро «Молодежная». А вот в Курьянове метро как не было, так и не будет.

Нет, я не злорадствую, а уточняю необходимые для дальнейшего повествования детали, так как еще некоторое время эти две географические точки Москвы не позволяли дружному педагогическому коллективу школы № 493 окончательно воспользоваться свалившимся на них счастьем, а преподавателям школы № 659 еще даже в самых жутких снах не являлся мой симпатичный, всегда опрятный и хорошо одетый образ.

Так вот, эта весьма приятная, особенно для Арона Абрамовича, весть как-то его укрепила, дала возможность поверить в свои педагогические способности и, разумеется, помогла пережить ему еще целое школьное полугодие.

Встречая меня в очередной раз в туалете с чинариком в зубах, он строго интересовался: «Когда же ты будешь переводиться?»

С ловкостью, присущей только жонглерам, я переправлял чинарик изо рта в карман и жаловался ему, что с такими оценками мне даже думать об этом переходе стыдно.

Все-таки какие-то садистские наклонности в моем характере присутствуют.

– Видишь, тебе стыдно, а кто в этом виноват? – как-то боязно спрашивал директор. Я же мог ответить: «Вы».

– Я, конечно.

– Молодец, но переводиться все-таки придется.

– Да нет, я наверно останусь с вами.

– Нет-нет, – почти пританцовывая, выкрикивал директор.

– Арон Абрамович, я понимаю, что математика, физика и химия для меня сложные предметы, но география, физкультура и история; разве я их не знаю на четыре?

– Ладно, ладно, иди, я подумаю, – в очередной раз обещал историк.

И действительно, в десятый класс, но уже в новую школу, я пришел с четверками не только по русскому и литературе, но и по физкультуре, географии и, разумеется, истории.

А та четверка по поведению за первое полугодие девятого класса, которая приравнивалась в то время к понятию «враг народа», самым чудесным образом трансформировалась в единственную в моем документе об успеваемости пятерку.

Наступило лето, и все тот же Сергей Иванович предложил мне отдохнуть в спортивно-трудовом лагере где-то под Солнечногорском. Я рассказал о его предложении маме и в первых числах июля уже одна тысяча девятьсот шестьдесят седьмого года я там и оказался.

Нас было немного, и все мы имели какие-то спортивные навыки. Ребят и девчонок было примерно поровну. Двухэтажное здание, где нас поселили, находилось в лесу, в очень уютном месте. При этом на территории, прилегающей к дому, имелись все необходимые спортивные площадки, даже для игры в городки. Девчонок и нас, ребят, разместили на втором этаже, но попасть к ним, девчонкам, можно было только через первый этаж или окно второго.

Все было продумано.

Мы все уже были несколько старше известного литературного персонажа Ромео.

Все это учитывалось, и физиологические страсти в нас заглушались спортивными тренировками и редкими выездами на колхозные поля с целью поедания немывтых овощей и фруктов.

Таким образом, никто из нас, ребят, овладевать альпинистскими навыками не собирався и все личные интимные встречи переносились на эти спортивные площадки, ну в самом крайнем случае, в ближайшие к площадкам кустарники.

Эмоциональные страсти (физические, как я уже сообщил, подавлялись спортом) бушевали с такой силой, что товарищу Шекспиру надо было срочно принимать советское гражданство и приступать к написанию нового, совершенно искрометного шедевра.

Все наши девушки были в общем так себе, впрочем, как и ребята.

Но была там одна, которая выделялась какой-то особой, яркой индивидуальностью и во внешности и в характере.

Месяцем раньше, в июне того же шестьдесят седьмого года, я как всегда рыбачил с дедушкой на Истринском водохранилище.

Рыбачил я, так как дедушка был только теоретиком рыбалки, а вот охотником он был замечательным.

И вот как раз тогда я познакомился, правда, не с такой молодой и яркой, как Ирина, но тоже индивидуальностью.

Совсем рядом снимался один из эпизодов фильма «Братья Карамазовы», и эта дамочка работала в съемочной группе. Так вот, она весьма индивидуально показала, кто такие женщины и что они могут вытворять с теми, кто еще только вступает на путь познания физиологических страстей.

С тех пор почему-то отношения с произведениями Федора Михайловича у меня тоже как-то не заладились.

Видимо, я не с того конца и не в то время попробовал понять всю трагическую исключительность его героев. Особенно Роди Раскольникова. Все-таки есть какая-то глубинная, скрытая от нашего понимания тайна, почему Родион Раскольников гонялся за бабушкой с топором. Видимо, тут дело не только в деньгах.

Нет-нет, я не хочу принижать всего того, что сделал гражданин Раскольников для развития русской юриспруденции, но какая-то червоточинка непонимания где-то там, в травмированном сознании, остается.

Да, так вот Ирина, эта яркая индивидуальность, привлекла и мое внимание.

И это внимание усиливалось еще и тем, что Ира была сформировавшейся молодой и очень привлекательной девушкой, а мой комсомольский организм, уже отравленный недостойными, похотливыми связями, требовал продолжения этих связей, но уже с другими, более молодыми представителями женского пола.

Кстати, мой опыт подсказывал, что чем меньше ты обращаешь внимания на понравившийся тебе объект, тем быстрее этот объект обратит внимание на тебя.

Много позже я нашел подтверждение этому и у классика советско-российской эстрады: «Чем больше женщину мы меньше, тем меньше больше она нам».

Буквально дня через два после приезда выяснилось, что в Ирину втюрились все.

А видя, что я внимания на Ирину не обращаю, каждый считал своим долгом открыться мне в своих чувствах к ней и попросить совета в действиях по возможному с ней сближению.

Я, разумеется, давал, в надежде на то, что мое мнимое равнодушие вот-вот заставит броситься ее в мои объятия.

Но нет. Мы были так же, как и в самом начале, подчеркнуто холодны друг с другом. Ира тоже неплохо владела этим приемом.

Дней за семь до конца нашего пребывания нас, несколько человек ребят и девчонок, отобрали для соревнования в другом таком же спортлагере.

И вот как-то вечером мы все решили погулять.

В крошечной темноте мы шли по какому-то косоугору, как вдруг налетел страшной силы ветер, все черное небо озарилось вспышками молнии и полил необыкновенный дождина. Я на секунду зажмурил глаза и тут же стал кого-то обнимать и целовать.

Да, это была Ирина.

Всю оставшуюся ночь мы провели в жарких поцелуях в домике, где нас разместили.

Мы ничего не говорили, а только целовались и целовались.

Навёрстывали упущенное.

Удивительно, но все девчонки, ребята и тренера исключительно положительно восприняли перемену в наших отношениях.

Вернувшись в Москву, мы продолжали встречаться. Но новая школа требовала от меня переосмысления формы поведения с учителями, а новоиспеченные школьные товарищи занимали все мое свободное время.

Одним словом, юношеская страсть к Ирине начала затухать, тем более что она жила в Тайнинке и мотаться туда мне было далековато.

В общем, я потихоньку старался залечь на дно.

Да, но со спортом все было нормально. Где-то ближе к зиме я отстрелялся на первый разряд. И тут меня все чаще и чаще стали вызывать в военкомат.

После очередной тренировки Сергей Иванович, который часто появлялся в тире, обратился ко мне с вопросом: «Ну что, скоро в армию?»

— Да уж. Придется послужить. Хорошо, что теперь только два года.

— А в каких войсках ты хотел бы проходить службу?

— Не знаю, только не в стройбате.

— Почему?

— Да какая это армия.

— А если пойти не в армию, а в институт?

— Какой?

— Например, во ВГИК. Слышал о таком?

— Конечно, там актеров кино готовят.

— Правильно, но не только актеров, а и режиссеров, сценаристов, да и много еще кого.

Ты кем хотел бы стать?

— Даже не знаю.

– Давай подумай. Пока никому ничего не говори, а там посмотрим.

Как же, не говори. Я в этот же вечер рассказал маме, что мне предлагают поступить во ВГИК.

– А что, хорошее предложение. И я могла сниматься. Меня сам Лебедев приглашал в Ленинград. Но тогда я уже носила тебя и отказалась. Я тебе рассказывала.

– Да, я помню.

Забыл сообщить, что моя мама в этот описываемый период, работала в системе госбезопасности. Чем она там занималась, я не интересовался. Знаю только, что она с какими-то инженерами что-то проектировала.

В общем, новый учебный год, к большой радости Арона Абрамовича, я начал в новой школе. Тут как-то все закрутилось с такой силой, что разобраться что к чему времени не было.

Как-то инстинктивно я стал понимать, что надо пересмотреть некоторые свои взгляды на успеваемость, разобраться, наконец, хоть приблизительно, что такое физика, химия, да еще и английский. Все, что я мог произнести на этом абсолютно непонятном для меня языке, так это только: «Май нейм из...» и «Май фемели из вери биг: маза, фаза анд ай» – все. А о таких выражениях как: «Ай доунт андестенд» я узнал несколько позже, оказавшись в США, где представлял интересы одного неформального союза. С произношением у меня и сейчас плоховато, так что прошу простить за мой английский.

Родители с пониманием отнеслись к моему желанию приблизиться по успеваемости к среднестатистическому советскому школьнику и наняли репетиторов по математике, английскому и чему-то еще, уже не помню. А тут новые друзья, ну и так далее.

Да и вот еще что.

Разумеется, в этой новой школе, прямо рок какой-то, естественно оказалась девушка, чье внимание на себя грезил обратить любой уважающий себя старшекласник.

Звали ее Лариса.

Кстати сказать, очень недурственная, умная, что, простите, для женского пола свойственно не очень, девушка. Обратите внимание, я говорю умная, а не эрудированная.

Вот, например, моя единственная и любимая почти сорок лет жена шибко эрудированная, а во всем остальном типичная женщина. Но надежда, пусть это и банально, умирает последней. Таким образом, есть основание полагать, что годам к пятидесяти совместного общения что-то и в ней изменится к лучшему, и моя жена наконец поймет, что настоящее счастье женщины быть за мужем, а не сбоку, и уж тем более не впереди. Но процесс еще идет. Сорока лет для понимания этой простой истины сильно эрудированной женщине, видимо, маловато.

Наши с Ларисой отношения были исключительно товарищескими, тем более что еще месяца два я продолжал общаться с Ириной.

Имелся и еще один момент, который я должен был учитывать в этот период.

Дело в том, что в этом еще не до конца застроенном районе Москвы существовала добрая и славная традиция – вновь появившегося в школе молодого человека необходимо было прописать, то есть набить ему, простите, морду.

Этот старинный обычай исходил от наиболее продвинутых с точки зрения соблюдения традиций жителей района – местной шпаны.

Я не то чтобы боялся, но относился к этому с определенной осмотрительностью.

Жил я метрах в пятистах от школы, и тем не менее возвращение домой на первых порах представлялось достаточно непростым делом.

Учителя по началу относились ко мне пренебрежительно строго. Ну двоечник, что с него взять.

Хотя с другой стороны, все они привыкли к тому, что двоечники – это не очень эрудированные, прямо скажем, туповатые, из неблагополучных семей дети. Я же являл собой образ совершенно обратный.

В своей педагогической практике даже умудренные жизненным опытом учителя с таким противоречием сталкивались не часто.

Первое же сочинение поставило все на свои места. Тему я не помню, да это уже и не существенно, но мысли классиков марксизма-ленинизма были изложены таким образом и так ярко, что обращаться со мной кое-как для них было уже не допустимо.

Никогда в своей педагогической практике двоечника, так точно цитирующего вождей мирового пролетариата, встречать им не приходилось.

Самая большая проблема была с математикой. Если по другим предметам я что-то как-то мог промямлить, то с математикой полный капут.

Но мне подфартило и здесь. Школьная математичка была молодая и на мои замечания на уроках относительно ее одежды, фигуры и прочих нюансов реагировала как-то несколько нервно. Посему мы заключили соглашение: если я на уроке буду молчать, то три балла мне обеспечено, а если и что-то решу у доски, с помощью, разумеется, класса, твердая четверка. Темы контрольных работ и их решение я узнавал, как правило, накануне. Мне по секрету сообщала их все та же математичка, но это только в том случае, если я соблюдал условия договора.

Конечно, я иногда отступал от наших договоренностей, и тут же в журнале напротив моей фамилии рисовались два балла. Представляете, чего я натерпелся, если первое полугодие окончил с твердой тройкой по математике.

По другим предметам, конечно, тоже были сложности, ну как-то я находил с учителями какой-то консенсус.

Мама частенько забегала, что-то приносила дефицитного, в общем, как-то все обходилось.

С английским было чуть сложнее, но когда я научился считать на английском до десяти, тоже как-то все стало утрясаться. Я мог посчитать, на английском, и до четырнадцати, но все время путал, что надо говорить после тен, то ли туэлв, то ли илэвен. Кто из них одиннадцать, а кто двенадцать, я угадывал не всегда точно. Иногда все же получалось. А уж фотин и сётин, простите за произношение, для меня были просто китайской грамотой.

В общем, с успеваемостью я подтянулся.

Вот с поведением получилась маленькая проблемка.

Нет, я не был хулиганом. Но вот язык! Ну кто заставлял меня делать всякие там замечания относительно прочитанного или увиденного в кино, да еще и на уроках?

Как раз в этот год на экраны вышла картина «Мужчина и женщина». Я ее посмотрел раз пять, ну, а на шестой предложил всему классу заменить какой-то урок на просмотр этого «эротического шедевра».

Даже не предложил, а только рассказал о некоторых эпизодах.

Ушел весь класс, да еще и из других человек десять.

Очередной дневной сеанс в кинотеатре «Брест» прошел при полном аншлаге.

Что-то там я еще сделал, я уже и не помню что... а, вспомнил: покурил на уроке химии под партой.

Подумаешь, какой враг народа. Все равно какие-то опыты делали, дыма было – не продохнешь.

В итоге четыре балла по поведению за первое полугодие снова уродовали мой дневник.

А вы вспомните, что значили четыре балла по поведению! Это, как я уже говорил, приравнивалось к «враг народа».

Таких учеников-врагов по всей Москве нашлось бы человек пять – не больше.

В общем, все крутилось и вертелось, да с такой силой, что встречи с Ирой стали затухать, тем более что дальше жарких поцелуев наши отношения не продвинулись.

Да как-то и вообще интимная сторона в этот исторический, если так можно выразиться, период меня практически не занимала.

Вот ближе к весне, да, там снова стали проявляться какие-то признаки действия биологически активных веществ, вырабатываемых в организме железами внутренней секреции и оказывающих влияние на деятельность определенных, будь они не ладны, органов. Ох, эти гормоны.

То есть все чаще хотелось с какой-нибудь девушкой пообщаться в относительно укромных местах. К примеру, на скамейке, вечером или где-то, где я мог бы между поцелуями более детально ознакомиться с формами девичьего тела.

Сейчас это спокойно все можно проделать в метро, даже в часы пик.

А мы-то были какие-то совсем не продвинутые.

Да, но с кем было интимничать?

С Ириной все уже давно было закончено. Те школьные девчонки, которым нравился я, меня не распаляли, во всяком случае до такой степени, которая предполагает страстные, как минимум, поцелуи, я уже не говорю обо всем остальном.

И вот тут-то я и обратил свое внимание на Ларису. То взаимное влечение, которое было нам уже свойственно, несмотря на огромную разницу в успеваемости, помогло нам найти, еще до того как мы стали уединяться, точки сближения. И первой такой точкой стал карбункул верхней моей губы.

До весны оставалось совсем немного, но физкультура на лыжах еще продолжалась. И вот как-то на одном из последних лыжных катаний Лариса пожаловалась, что ей холодно. А на мне была шикарная по тому времени дубленка-безрукавка. Я единственный из всех ребят мог реально помочь ей согреться. Безрукавка снималась легко. Все остальные были в свитерах или что-то в этом духе. Снять бы с себя свитера они все, ради Ларисы, сняли бы. Но вот как это одеть на нее?

Короче говоря, я элегантно сбрасываю с себя эту дубленочку-безрукавку и отдаю Ларисе. Сам остаюсь в шерстяной водолазке.

Во-первых, Лариса согрелась, ну а во-вторых, внешний вид у девушек еще никто не отменял. А эта дубленочка Ларисе была весьма и весьма.

Урок закончился, а мы еще с Ларисой катались, но уже только вдвоем, часа два.

На следующее утро я заметил под носом небольшой прыщик. Сразу же его и выдавил.

После школы прыщ вырос еще больше и стал, гад, сильно болеть. Я взял бритву и перед зеркалом в ванной комнате сделал небольшой надрез.

Вечером этого дня скорая увезла меня в клинику кожных болезней, что на Пироговке. Нет, везла она меня и огромную верхнюю губищу, на которую я еще несколько дней мог, при неосторожности, наступить.

Вот, оказывается, что может предшествовать сближению двух молодых и горячих сердец.

Ни письма, ни какие-то признания в любви и дружбе, а обыкновенный карбункул верхней губы, – во всяком случае так было установлено врачами.

Те десять дней, проведенные мной в клинике кожных болезней, оказались самыми замечательными днями моей юности.

В палате нас было четверо. Имена и фамилии раскрывать не буду.

Один был корреспондентом «Комсомолки», у него псориаз. Я еще после знакомства с ним много лет читал его интересные корреспонденции.

Другой трудился ударником в оркестре одного центрального ресторана Москвы. У него, что совершенно естественно, – геморрой. Третий – сотрудник НИИ, молодой и веселый, и у него что-то тоже было с кожей, но не заразное.

И я – десятиклассник, который им пришлось очень кстати.

Моя роль сводилась в основном к «подай, принеси, постой». Ну эти все мои функции меня совершенно не утомляли.

«Подай» – это понятно, а вот с «принеси» могли возникнуть некоторые неожиданности. Дело в том, что мы располагались на втором этаже, а на первом венерические больные.

Досмотр передач был поставлен не хуже, чем в Бутырке, поэтому алкоголь, который заказывали мои старшие товарищи, поднимался на бинтах из окна нашего туалета. И на это весьма ответственное дело был назначен я.

Подъем проходил как раз под окнами сортира венерических граждан, таким образом постоянно присутствовала угроза несанкционированного отъема этой продукции. Обошлось.

С «постой» – этой, возможно, самой важной для геморройного ударника задачей, ответственным тоже сделали меня. Между обходом и обедом был небольшой промежуток времени, и вот в этот промежуток его относительно регулярно, но не ежедневно, посещали женщины, поклонницы его музыкального таланта.

Мы все выходили. Старшие товарищи шли заниматься своими личными делами, а я должен был сторожить вход и при необходимости не допустить в палату медицинских работников.

Справлялся я хорошо, проколов не было, но не думаю, что эта моя обязанность предопределила мою будущую военную службу.

Мне было несколько раз предложено попробовать мною же добываемый алкоголь, но только с целью ощутить, какая это гадость, и никогда в будущем им не увлекаться. Я соглашался. Между верхней и нижней губами стакан не помещался, и поэтому мои старшие товарищи заботливо давали мне попробовать этот мерзкий напиток с ложки.

Этот ритуал они проводили раза два, но обставляли его весьма торжественно и солидно.

Мне повязывали что-то вроде салфетки, сажали ближе к окну, там было светлее.

Дело в том, что моя большая верхняя губа не давала точного представления о том, куда надо было засовывать ложку.

Ударник что-то отбивал своими палочками по подушке, а корреспондент «Комсомолки» и сотрудник НИИ, прежде чем влить в меня эту отраву, приговаривали: «Это мы делаем исключительно в гуманных целях. Ты сейчас в очередной раз убедишься, какая это гадость, и примешь осознанное решение никогда, ни при каких обстоятельствах не злоупотреблять алкоголем, чтобы не оказаться среди пациентов первого этажа. Так как злоупотребление этим напитком и случайные половые связи – звенья одной цепи».

Я что-то мычал, как бы соглашаясь, и мне очень аккуратно, чтобы избежать даже самых минимальных потерь, вливали все, что было в ложке, в рот.

Причем сотрудник НИИ оттягивал мою губу куда-то вверх, а журналист, прицелившись, вплескивал содержимое ложки, пытаясь попасть точно. Получалось.

А что?! Их наставления мне пригодились в дальнейшем. Это я о злоупотреблении. Конечно, срывы были, я же живой человек, но об этом чуть позже.

Десять дней, которые мир не потрясли, пролетели быстро. Вернувшись в школу, я ощутил какое-то особое со стороны Ларисы к себе внимание.

Это, разумеется, не прошло для меня незамеченным. Но снова какие-то дела, суэта не давали нам время окончательно определиться в наших гормональных отношениях.

Да тут случился еще и серьезный разговор с Сергеем Ивановичем.

Как-то, когда я уже подумывал завязывать со стрельбой, Сергей Иванович попросил меня задержаться после тренировки.

– А знаешь, мы работаем с твоей мамой в одной организации.

– А разве она занимается творчеством Островского?

– Да нет. Ты же знаешь, где она работает?

– Да так, примерно.

– Молодец, уточнять не будем. И я там иногда подвизаюсь.

– А это как?

– Ладно, сейчас не об этом. Что ты решил со ВГИКом?

– Я хочу, но там такой конкурс.

– Это мы решим. Но у меня к тебе будет одно обязательное условие.

– Я, кажется, догадываюсь какое.

– Ну-ка поделись.

– Стучать?

– Да какой из тебя стукач?! Тебя самого можно раз по десять на день забирать куда надо. А потом запомни: стукачей у нас нет. Да, есть люди, которые сообщают кое-какую интересующую нас информацию. Но это не стукачи, а настоящие солдаты.

– Так что, вы меня призываете?

– Да! С тобой непросто общаться. Так вот, условие будет таким, разумеется, если ты поступишь.

– Каким же? Что вы все тянете?

– Чтоб ты хорошо учился и без всяких фокусов. А вот уже потом посмотрим, какой из тебя получится солдат. Ладно, сейчас иди, а ближе к окончанию школы мы с тобой еще поговорим об этом.

Вечером, ни с того ни с сего, мама меня спросила: «Сергей Иванович с тобой разговаривал?»

– Откуда ты знаешь Сергея Ивановича?

– Знаю.

– Значит, это твоя работа.

– Моя. Когда мне сказали, что тебя могут исключить из школы, то я и обратилась к нему. Помог же, а то где бы ты сейчас был? Ты лучше скажи, будешь поступать во ВГИК?

– Конечно, буду, я даже о таком и не мечтал. Может, пойти на актерский?

– Нет, актер из тебя вряд ли получится, хотя? Одним словом, куда решит Сергей Иванович, на тот факультет и будешь поступать.

– Хорошо. Как скажешь.

Наступили первые весенние теплые дни. Карбункул меня уже не беспокоил, однако маленькая точка осталась навсегда. Да ее и не видно практически.

Одним словом, наступило время, когда мне надо было как-то более конкретно решать свои взаимоотношения с Ларисой.

Подсохло и можно было гулять не только по асфальту.

Я предложил Ларисе побродить по Ворошиловскому парку. Так у нас называлась холмистая и лесистая территория примерно от деревни Крылатское до Филей.

О районе-монстре, который там появится в будущем и уничтожит прекрасное заповедное место Москвы, мы даже и не догадывались. Было тепло и соответственно никаких теплых балахонов на Ларисе не было, и это делало ее еще более гормонально вожделенной.

Помнится, я говорил вам о своей голове?

Уже забыли?

Так я напомним.

Сама кость, которую часто тоже относят к голове, оказалась на редкость прочной. Ну прям ничем ее не пробьешь.

В какой-то садистской песне или стишке звучит: «Гвозди бы делать из этих людей».

«Гвозди бы делать из этих костей», – это я о своей голове-кости, где скрывается серое вещество.

Если бы не такая ее стальная прочность, где бы оно сейчас, это вещество, было?!

А так хоть и мало, но все же что-то осталось. Его количества, правда, хватает только на осуществление самых простых жизненных инстинктов: сходить в баню, упасть на какой-нибудь горе при очередном спуске на лыжах, ну и так, по мелочи; поест, пописать.

Короче говоря, гуляя по этому замечательному парку, мы оказались на крутом обрыве.

Тут бы надо перейти к описанию тех красот, которые открывались с этого восхитительного места, однако то серое вещество, которого было еще в достаточном количестве, выдало совершенно другую команду. Следовательно, и я, и все мои читатели уже никогда не смогут насладиться описанием этого прекрасного уголка русской природы.

Дело в том, что мы остановились еще и у того дерева, на обрыве, где была привязана тарзанка.

Это такая толстая и длинная веревка с палкой на конце. И мои нехорошие гормоны потянули меня не к Ларисе, а к этой веревке.

Ухватился, разбежался и полетел. Нет, не как та птица, как у какого-то классика, а как, простите, мешок с экскрементами. Высота была небольшая – метров пять – шесть. Для кости моей головы, как выяснилось, это была не высота. Головой вниз я и встретился с землею.

Возвращение на землю было не таким триумфальным, как у Юрия Гагарина.

Представляете, что испытала моя попутчица? Спуститься с такой крутизны, да это и не каждый парень смог бы, а она смогла. А то, во что она была одета, ну никак не предполагало подобных альпинистских упражнений. И несмотря на все это, она, рискуя, в прямом смысле, пришла мне на помощь.

Хорошо, что не надо было подниматься. Весь обратный путь Лариса волокла меня вдоль берега Москвы-реки, пока не нашла хорошую, пологую тропинку. По ней можно было подняться и без головы. Деталей я не помню, помню только, что все казалось очень большим. А вот что голова не болела – помню точно. Потом я узнал, что кость не болит. Не надо смеяться.

Как-то, после не очень удачного выполнения поручения, другие это называют заданием, в штате Род-Айленд в США, у меня случилась автокатастрофа, но уже, правда, на нашей территории.

Военные медики, в госпиталь к которым привезли кусок мяса, под который я тогда решил замаскироваться, написали очень трогательный памфлет: Больной такой-то находился на стационарном лечении в нейрохирургическом отделении в/ч..... с диагнозом: Тяжелая закрытая черепно-мозговая травма с ушибом головного мозга тяжелой степени тяжести, с субарахноидальным кровоизлиянием.

Так красиво написано, даже петь хочется.

Там были и другие строчки, но они совершенно не вписываются в это прекрасное описание состояния, в котором прибывала моя головная кость.

Подумаешь, переломы каких-то конечностей, разрывы каких-то связок, нет, это уже какая-то серая проза. А вот: «субарахноидальное кровоизлияние» – это ж песня!

Правда, что это такое, я до сих пор не знаю, но зато красиво.

Когда я вышел из комы, а я не спешил – ну где еще так отдохнешь, как не в госпитале – я еще некоторое время маскировался. Надо же было понять, где ты, с кем ты.

А если это враги?

Короче говоря, я еще месяца полтора делал вид, что не знаю, кто я, откуда.

Конечно, органы дознания свою работу знали отлично – сознался, но, подчеркиваю, не сразу.

И вот что самое удивительное, когда я был в несознанке, меня даже за руки водили по коридору, а как раскололся, как тот грецкий орех, ноги ходить отказались.

Я узнал потом, что у них (ног) есть какая-то связь с головой. Вот уж никогда бы не подумал – что у них может быть общего?

Если только то, что и та, и эти – кости. Ну а как еще объяснить?!

При выписке мой лечащий врач предупреждал: «У вас будут сильные головные боли, но это нормально. Главное соблюдать покой: больше килограмма не поднимать, про юг и баню забудьте, соблюдайте режим, днем обязательно отдыхайте, никакого вождения автомобиля, ну и оформляйте инвалидность».

Было это в начале сентября.

Четвертого октября я в автосалоне в Ясенове покупал новую машину. Денег, правда, хватало только на Таврию, зато новую, от прежних Жигулей, тоже новых, ничего не осталось.

Но если новые Таврии были такие, какие же были с пробегом?!

О Таврии – это отдельная песня.

И уже в том же месяце я парился, но только в сауне. Там парок послабее, если вообще это можно назвать паром. О банях тоже попозже.

Но вот голова! Хоть бы раз, ну один разок что-то там заболело.

Никогда!

Тем самым я на практике доказал величайшую мысль: «Кость не болит!»

Хлопать не надо.

Простите за отступление. Наболело. Надо же когда-нибудь выговориться.

А тут какие-то шесть метров – подумашь!

Но они, эти метры, изменили, когда я вернулся в состояние что-то анализировать, мое отношение к Ларисе.

Я увидел в ней не только объект гормональных страстей, а и человека. Да, человека!

Такое бывает. Помните, как в каком-то фильме: «Женщина – она тоже человек!»

И вот с тех самых пор я стал, разумеется для себя, так сказать для внутреннего пользования, разделять, что я хочу видеть в предмете: человека или женщину.

Очень, поверьте на слово, редко, но такие случаи были, когда эти два понятия соединялись.

Лариса – это первый случай, а второй... нет, сейчас не буду. А то запутаюсь, чего-нибудь забуду.

Карбункул, ушиб головы – вот тот незначительный перечень медицинских диагнозов, который позволял мне считать личные отношения с Ларисой привилегированными.

Но тут опять наступила пауза. Ох уж этот Сергей Иванович-тезка. Комитетчики, если надо, и в постель залезут, а тут как раз все наоборот.

Неожиданный звонок домой.

– Завтра в пятнадцать часов жду тебя у входа во ВГИК.

– А что взять с собой?

– Пока только голову.

В пятнадцать с минутами следующего дня мы сидели в кабинете проректора ВГИКа.

– Сейчас подойдет наш математик, и вы обсудите с ним все детали. А вот и он. Располагайтесь. А я пойду, тут мне еще кое-что надо закончить.

– Хорошо, мы не долго, – пообещал Сергей Иванович.

– Здравствуйтесь, – поздоровался математик, небольшой, пухленький, в очках, пожилой мужчина.

- Здравствуйте. Вот познакомьтесь – это тот абитуриент, о котором мы вам сообщали.
- Здравствуйте, молодой человек!
- Здравствуйте, – поднимаясь, поздоровался я.
- Ну что, батенька, давайте проверим ваши знания.
- Давайте, – согласился я.

Он о чем-то меня спросил по математике, и наступила пауза.

Молчать не приземленно и многообещающе мне иногда удавалось. Это был как раз тот случай.

– Ну что же, достаточно, – прервал паузу математик. – Безусловно, молодому человеку еще надо бы углубить свои знания по математике, но если стране нужен именно такой организатор кинопроизводства, тогда конечно.

– Молодой человек, – обратился ко мне он, – вот что вам нужно будет сделать. Когда вы придете сдавать вступительный экзамен, в аудитории будут два принимающих. К тому столу, где буду сидеть я, вы и подойдете. Вот, собственно говоря, и все.

– Скажите, пожалуйста, а на что мне обратить внимание?

– Что вы, молодой человек, имеете ввиду?

– Ну как? Какие-то выучить теоремы, задачи.

– Да нет. Вашего багажа знаний будет вполне достаточно. Я в этом только что убедился. Извините, мне надо идти. До свидания.

– Спасибо, профессор, – пожимая его руку, поблагодарил Сергей Иванович, – все, о чем вы нас просили, уже в работе.

– За это спасибо, – впервые улыбнулся профессор. Это очень, очень для меня важно. Столько уже лет.

– Не волнуйтесь, все уже в работе, – еще раз подтвердил Сергей Иванович и, показывая на меня, сказал, – а за него не тревожьтесь, обещал подтянуться.

– Ничего, ничего, научим, – бодро пообещал профессор.

Милейшим он оказался человеком. Я не называю его фамилию, чтобы не омрачать память об этом прекрасном педагоге.

На улице я все-таки поинтересовался: «На какой же факультет я буду поступать?»

– Разумеется, на экономический, Лобачевский.

– А как же с остальными экзаменами?

– Вопрос правильный, но неуместный. Узнаешь в свое время.

Весна, ВГИК, Лариса. Но впереди были еще и выпускные экзамены, а с ними как быть?

Вот так всегда – представляете! С юности мои личные, не побоюсь сказать, интимные дела всегда были на заднем плане. На первом месте всегда только государственные.

А не остаться на второй год в десятом классе – это разве вопрос не государственной важности?!

Это сейчас, простите за нецензурный оборот речи, ЭГЕ, а тогда глаза в глаза. Только что лампы не было, а так – допрос с пристрастием. Так вот, мне надо было готовиться к этим судьбоносным экзаменам.

Опять никакой личной жизни!

Правда, кто больше переживал за мои экзамены, я или педагоги, вопрос и по сей день открытый. Но поскольку самоубийц среди преподавателей данного общеобразовательного заведения не было, то и вручение мне аттестата о среднем образовании сопровождалось оглушительными овациями и учеников и учителей.

Подоспел долгожданный выпускной. Как и положено, в сортире было выпито некоторое количество портвейна, и это придавало большинству из вступающих во взрослую жизнь парней дополнительное очарование придурковатости. Никогда, вопреки обещаниям учителей, мне этот выпускной не являлся ни в кошмарном, ни в каком другом сне.

Видимо, я так сильно перенервничал на экзаменах, что с Ларисой тоже все прошло как-то буднично, никакой свежести, яркости в наших с ней отношениях на этом вечере не случилось.

И вот первый вступительный экзамен во ВГИК – сочинение. Тему я знал, черновик был написан и проверен кем надо, и мне оставалось только переписать без ошибок.

Через день читаю на доске объявлений, там где моя фамилия: сочинение – хор. Значит, один бал уже в минус. Остались: математика, история и география.

Прихожу сдавать математику. Вхожу в аудиторию. Все на своих местах, как и было мне объявлено ранее. Поздоровался и сделал шаг в направлении моего математического старца.

– Нет-нет, вам вот туда, – стал показывать на соседний стол профессор.

Я до сих пор не понимаю, зачем Сергей Иванович таким нестандартным приемом хотел еще раз убедиться в прочности моей психики. Возможностей у него было предостаточно и до этого. А если бы моя хрупкая и чувствительная психика что-нибудь отчебучила?

Подхожу, беру билет и объявляю его номер. Сейчас уже и не помню какой.

– Идите готовьтесь, – посоветовал незнакомый гражданин. Пошел, сел, заглянул в билет. А если бы я не занимался спортом?! Плавание укрепляет сердечную мышцу, а стрельба тренирует выдержку. Перед тем как нажать на курок, необходимо задержать дыхание, и только тогда возможен точный выстрел. А я, бывало, и не редко, выбивал сорок девять из пятидесяти. Бывало и пятьдесят!

Тренированное сердце выдержало, да и с дыханием проблем особых не было. И вот тут кость головы снова проявила чудеса самообладания и собранности. Писать числа я же умел. А помните такую игру – крестики-нолики по всему полю? Пригодилось, да еще как! С умным, как мне представлялось, лицом я исписал свой листок этими крестиками и ноликами. Возможно, написал и несколько цифр – не помню.

– Молодой человек, если вы готовы, то прошу.

Я был готов не вполне. Оставалось еще много свободных клеточек. Но пошел.

Подхожу, кладу билет и листок. Стою. Экзаменатор взял этот кладезь математической мудрости, предложил мне сесть и внимательно, с абсолютно натуральным интересом стал рассматривать мои каракули.

– Какое интересное решение – прекрасно.

У меня чуть не вырвалось: «Где? Покажите!»

Но он быстро спрятал мой листок и что-то нарисовал в моей экзаменационной ведомости.

Я посмотрел – «пять».

– Я могу идти?

– Да, конечно. Вы просто молодец. Такое интересное решение. Молодец.

Я выбрался из аудитории и попал в руки огромной толпы абитуриентов.

– Сколько?

– Пять!

– А что тебе попало?

– Ребята! Я так переволновался – ничего не помню, поймите. – А сам тихо-тихо к выходу.

Мама ждала меня в ресторане Ташкент – был такой на ВДНХа.

С историей и географией все было тоже не просто.

На истории КПСС один, но архитрудный вопрос мне все-таки задали: «Политику партии признаете?» Я не просто ответил, а дал абсолютно полный ответ: «Политику партии признаю и одобряю!»

– Идите – «пять».

На географии случилась махонькая заминка. Преподавательница предложила мне показать город на Неве. Так и сказала: «Покажите мне, пожалуйста, город на Неве».

– Извините, а какой конкретно?

– А что, вы знаете много городов на этой реке?

После некоторых колебаний я все же указал на город Ленинград.

– «Пять», позовите следующего.

Первого сентября, собираясь в институт, я был уверен, что встречу высокообразованных и интеллигентных однокурсников, умственный багаж которых расширит мой примитивный кругозор.

Выдержать конкурс: сорок человек на место – а именно такой был конкурс на экономический факультет – могли только по-настоящему одаренные люди.

Курс оказался большим – человек двадцать пять. На художественный факультет поступили только четыре человека, на актерский – человек десять. Это так – для сравнения.

География студентов была разнообразной. Киргизию и Узбекистан представляли два достойных джигита, по одному на республику. По одному представителю отыскивали Туркмения и Таджикистан. Таджикистан, однако, прислал не хлопчика из аула, а славянина из Душанбе.

Солнечную Молдавию представлял симпатичный еврей. Казахстан оторвал от своей груди немку. Самая большая диаспора была представлена Украиной – человек девять, два из которых – одесситы.

Среди кавказских республик нашелся только один достойный представитель. Он являлся жителем древней Армении. Милый такой представитель. Из двух глаз работал у него, к сожалению, только один. Второй был искусственным. Живой он потерял в борьбе за сердце какой-то девушки или женщины недалеко от озера Севан. Нас, москвичей, – восемь мужичков и одна девчушка лет двадцати.

Забыл про подругу – аж из Хабаровска.

Конечно, была и белорусочка, и даже одна монголка – дочь какого-то монгольского министра.

Ну, а украшением курса стал сын степей – тоже монгол – сродник какого-то монгольского степного начальника. Он был насквозь пропитан ветром монгольских степей и кумысом. Попахивало от него даже на приличном расстоянии.

Вот эта самая монголка да еще киргиз были единственными, кто приехал учиться и получать знания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.